

«ДИНАМИК...»

Он без особых усилий увернулся от атаки Гая. Парень, как оказалось, ждал его у здания хокаге.

«Ты всегда такой крутой, мой вечный соперник». В голосе Гая звучала убежденность и какое-то вызывающее восхищение. «Сразись со мной!»

«Не сейчас», - сказал Какаши, не впечатлившись. Засунув руки в карманы, он прошел мимо парня и направился к главной улице Конохагакуре.

«Сейчас 17:11, ты лидируешь», - объявил Гай, быстро догнав его. «Ты выиграл последние четыре матча. Но я упорно тренировался, и сегодня я...»

«Не сегодня, Гай», - перебил его Какаши. Он даже не нашел в себе сил раздражаться на выходки Гая.

У Обито зачесался глаз.

«Ну же, мой соперник!» взмолился Гай.

Гай положил руку ему на плечо, пытаясь заставить Какаши посмотреть на него. Он улыбался, насупив брови и надев ужасный зеленый комбинезон. Какаши знал, что ему не победить. Это был единственный аспект, в котором он никогда не сможет превзойти Гая, и он даже не знал, задумывался ли Гай в своем постоянном стремлении найти что-то, в чем он был лучше Какаши, что его упрямство и упорство были именно такими. Не было никакого способа успокоить его, кроме как сдаться.

Пожав плечами, Какаши остановился и огляделся по сторонам. «Так. На счет три. Кто первым доберется до памятника Хокаге, тот и победил».

Парень уставился на него, затем его ухмылка стала еще шире, заполнив все лицо. Его глаза сверкали от возбуждения. «Это достойный вызов, мой вечный соперник! Начинай отсчет». Какаши почувствовал себя немного виноватым.

Какаши приготовился. «Три - Два - Один». Он сделал два шага, а затем остановился. Парень уже уходил. Не доходя двух метров до места, откуда они стартовали, Какаши остановился и только увидел, как за спиной Гая оседает облако пыли.

У него не было сил на это. Он не мог этого сделать. Не сейчас, да и, по правде говоря, со времен Рин он не чувствовал в этих испытаниях никакого азарта и спешки... Изредка он еще делал их для Гая, но для Какаши в них уже не было ничего. Раньше, когда они были детьми, Какаши удивлялся, слегка раздражался, но в то же время гордился тем, что его считают

соперником сверстников. Позже, после смерти отца, он воспринимал эти трудности лишь как досаду, а после смерти Обито начал прилагать усилия. Смерть Обито оставила в нем острое желание наладить отношения. И Гай легко справился с этой задачей. Временами это даже доставляло удовольствие, как бы он ни старался не выдать себя.

Но сейчас...

Наступила развязка. Он больше не мог этого делать. Он не мог играть в эти игры, гоняться за Гаем до горы Хокаге или сражаться с ним в битве мускулов или ума и притворяться, будто важно, кто победит. Неважно, кто первым доберется до вершины горы - Минато-сенсей, Кушина-ни, Рин и Обито, его родители - они все равно будут мертвы. Наруто остался бы сиротой. Какой в этом был смысл? И какой смысл связываться с Гаем, если в конце концов он погибнет, как и все остальные. Какаши не мог вынести этого широко раскрытого, яркого восторга. Он бы уничтожил его.

Гай был его ровесником, но казался таким молодым. Все еще гонится за своей мечтой.

У Какаши не было мечты.

А у Обито все еще чесался глаз.

**

На мгновение ему захотелось навестить Наруто. Хотя бы раз, чтобы убедиться, что с ним все в порядке и о нем позаботились. Но потом он поймал себя на мысли. Тряхнув головой, Какаши понесся по улицам разрушенной деревни, не обращая на это особого внимания.

Он замер, когда понял, куда они его привели. Дом... Он не возвращался сюда уже много лет. Какой смысл в пустом доме? Тем не менее он не стал оборачиваться. Вместо этого он вошел в старый дом Хатаке. Дом его отца. «Я дома», - позвал он пустые комнаты. Ответа не последовало, кроме скрипа старых половиц под ногами. Все вокруг покрывал слой пыли. Он видел, как она поднимается из-под ног. Возможно, именно по этой причине он решил не снимать обувь. Он не хотел оставаться здесь. Он даже не знал, что здесь делает.

С любопытством, как будто ему было что искать, он пробирался через комнаты. Кухня, старая гостиная, его собственная комната гораздо меньше. Он толкнул дверь в спальню отца, но так и не вошел внутрь. Затем он встал перед кабинетом. У Обито зачесались глаза.

Комната была пуста. Там, в центре, он видел его самого, склонившегося над собственным мечом, под телом которого запеклась кровь. Нет, комната была пуста. Ни тела, ни крови, чистой, как в последний раз, когда он ее видел. Кровь на циновках татами... Нет!

Глаз Обито... Какаши зажал рукой прикрытый глаз. Больно! Зрение исказилось, закрутилось, а

потом он увидел черноту. Он падал.

**

«Он в Хогвартсе». Он повторял это как мантру уже несколько дней. Он в Хогвартсе. Питер был в Хогвартсе. Крыса. И Гарри, и Питер. Мальчик был в опасности.

«Он в Хогвартсе».

Сириус должен был уйти. Он должен был защитить своего крестника. Единственную семью, которая у него осталась. Единственного, кто не оставил его. Нет...

Ты этого не знаешь. А он мог бы. Если они расскажут ему о тебе, он возненавидит тебя, как и всех остальных. Он не захочет иметь с тобой ничего общего.

Разве это имеет значение? Что с того, что мальчик его ненавидит? Сириус все равно должен был его защищать. А кто еще может это сделать? Кто еще может знать о крысе, прячущейся в Хогвартсе и ждущей удобного случая для нападения? Никто! Сириус был единственным, кто знал, и что бы Гарри ни думал о нем, что бы с ним ни случилось, он защитит своего крестника.

Это было то, что он должен был сделать с самого начала. И все же Сириус ничего не сделал для мальчика. Его родители, Джеймс и Лили, хотели, чтобы Сириус позаботился об их сыне, если с ними что-то случится. Они хотели, чтобы он вырастил Гарри. И что же сделал Сириус? После всего, что сделал для него Джеймс - его лучший друг, его брат, - Сириус стал причиной их смерти. Конечно, Питер предал их, Питер продал их Волдеморту, но именно Сириус предложил сделать Питера хранителем их секретов. И он чувствовал себя таким умным.

Они должны были подумать, что это я. Они бы выследили меня, допросили, пытали. А Питер тем временем мог бы спрятаться; Поттеры были бы в безопасности.

Он чувствовал себя таким умным. Как будто одурачил их всех. Но дураком оказался он. Они погибли из-за него. С таким же успехом он мог бы совершить преступление сам.

Может быть, именно поэтому он так спокойно принял свою судьбу. Может быть, именно поэтому он так долго смирялся с Азкабаном. Это была форма раскаяния. И, конечно, это должно было что-то значить. Когда Муни пришел... В тот единственный раз, через год после заключения, он даже не пытался защищаться.

«Я невиновен».